

тня, представленный, забот. И нередко находились зрители, делившиеся с билетером тем, что пережили на том или ином спектакле...

Судя по книжке "Записки билетера", Ева Аркадьевна всю свою жизнь была и остается человеком неутомимым: ей мало было тех нагрузок, которые, что называется, органично сопутствовали ее профессии. Жажда подлинного служения театру постоянно толкала Бабаеву на полноценное, полноценное участие в жизни труппы. Она стала инициатором создания музея театра, ходила на репетиции новых спектаклей, прислушивалась к профессиональному обмену мнениями режиссеров и актеров, писала заметки в стенную газету театра...

Через всю книгу Евы Бабаевой проходит горячая любовь к театру, живое человеческое любопытство к происходящему не только в нем и вокруг него, но значительно шире — в той жизни, что порождает тот или иной роман, повесть, спектакль. Интересно, что почти о каждом произведении, приятном к постановке в Театре им. К.С. Станиславского, Бабаева говорит: "Я читала..." И постепенно складывается некий образ идеального театра, которому она служит верой и правдой: это не собираемый образ, скорее, портрет родного театра, родных стен, чуть приукрашенный желанием автора видеть его именно таким, каким он видится в мечтах. Горечь, связанная с уходом из труппы актеров, почти вымолетна — ее заглушает убежденность в том, что эти стены, эта сцена еще будут знать лучшее времена. Поэтому, явверное, в книге так мало "тем-

Ах, милый Регистр!..

ных" страниц. Впрочем, об этом Ева Бабаева пишет сама: "Думая о любимом театре, вспоминая все пережитое, я иногда ловлю себя на мысли, не слишком ли мягко писала о виденном, пережитом, т.е. не обошла ли серьезных, особенно трагических моментов, и успокаиваю себя тем, что моей задачей было отразить хорошее, лучшее, а неприятности в нашем коллективе были в основном от смены режиссеров и руководителей".

Одно из наиболее часто встречающихся в книге слов — "приятно". Так говорит автор и об игре актеров, и о их манере держаться, и даже о спектаклях. Разумеется, в оценках Евы Аркадьевны нет ни особых откровений, ни даже более или менее подробного анализа. Свою цель она видит в другом — то одной, то иной черточкой создает Бабаева атмосферу момента, идет ли речь о спектаклях 50-х или 90-х годов. И это те черточки, которые, может быть, привлекут рано или поздно внимание какого-нибудь из пристрастных историков театра и — сослужат ему службу. Потому что остались запечатленными благодаря книжке скромного билетера, не притязавшего ни в малой степени на лавры критика или летописца театра.

Кому нужна сегодня такая книга? — может спросить изреченный своим временем юный (или не очень уже юный) сноб, привыкший к мысли о том, что Театр им. К.С. Станиславского не входит в обиход тех, посещать которые престижно и необходимо. Не тебе, друг мой, — словно отвечает всем настроем своей книги Ева Бабаева. Эта книга для фанатов, для тех, кто считает счастьем поделиться с билетером впечатлением после спектакля. Для тех, кто запечатлен на этих страницах, — хотя молодые зрители, вполне возможно, и имен этих не знают. Для всех, словом, для кого театр — счастье и праздник. А таких еще много на свете. И спасибо милым Регистрам нашего времени, времени прошедшего и — даст Бог! — будущего. Тем, кто будет исписывать страницы своих дневников событиями собственной жизни, ни на миг не отделимой от жизни Театра...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.

ИЗ ЭМПИРЕЕВ

Экран и сцена —
1995 —
16-23
нояб. — СБ

В

писе Михаила Булгакова "Кабала святош" меня всегда как-то по-особому волновал Лагранж — видимо, не Бог весть, какой актер мольеровской труппы, избравший себе участь тяжкую и неблагодарную: стать хроникером жизни Мольера и его театра, добросовестным "регистром", изобретателем совершенно особой азбуки знаков.

Записывая все происходящее, Лагранж, сознательно запутывая потомков, вместо описания горестных событий ставил черные крестики, а в знак радости рисовал лилию. И в какой-то период в его книге, наверное, был нарисован целый цветник, а потом пришел черед кладбища крестов...

Я вспомнила о миллом Регистре, читая книгу Евы Бабаевой "Записки билетера" — сорок лет жизни отдала эта женщина Театру имени К.С. Станиславского да и сегодня активно участвует в его жизни, пылко радуясь победам, горько переживая неудачи. Эти дневниковые записи не актрисы, не режиссера, даже не помощника режиссера (а была в свое время и такая замечательная книга Валентины Бондаревой, многолетнего и преданного помрежа Театра Советской Армии) — билетера, человека, первым встречающего зрителей, последним провожающего тех, кто на два-три часа был погружен в другую жизнь. Может быть, радостно погружен, может быть, горестно, может быть, в конце концов, вполне равнодушно. Но несомненно одно: человек этот был вырван из привычного круга поня-